

УДК 343.7

**ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ,
ЗАКРЕПЛЕННЫХ В ГЛАВЕ 25 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА**

канд. юрид. наук, доц. В.В. ХИЛЮТА
(Гродненский государственный университет)

Рассматриваются различные аспекты квалификации и систематизации экономических преступлений. Дается правовая характеристика системности размещения таких составов преступлений, как контрабанда, невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, коммерческий подкуп, дискредитация деловой репутации конкурента и др. Автором на основе методологического познания закономерностей экономической преступности предлагаются признаки «экономических» преступлений, подлежащие оценке при криминализации отношений в процессе конструирования уголовно-правовых норм в сфере экономической деятельности.

Введение. При анализе главы 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) и входящих в нее общественно опасных деяний в среде ученых и практических работников нередко встает вопрос не только об определении непосредственных объектов преступлений, содержащихся в данной главе, но и о необходимости выявления их общих признаков, в связи с которыми эти преступления были помещены в одну главу. Что же заставило законодателя объединить в одной главе УК такие нормы, как контрабанда, невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей, незаконная предпринимательская деятельность, приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, ложное банкротство, дискредитация деловой репутации конкурента, коммерческий подкуп, подделка знаков почтовой оплаты и т.д.? Ответ на столь риторический вопрос, казалось бы, очевиден, – общий для всех этих норм объект преступления. В то же время в науке уголовного права до сих пор нет единого мнения о том, что же все-таки охраняют нормы об ответственности за преступления против порядка осуществления экономической деятельности.

В качестве одного из мероприятий Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672, предусматривает проработку вопроса о декриминализации отдельных преступлений против собственности и порядка осуществления экономической деятельности. Эту меру можно объяснить тем, что количество фиксируемых преступлений в сфере экономической деятельности крайне не велико.

Например, в 2012 году в республике было зарегистрировано 3 248 преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Причем большая из них часть приходится на изготовление, хранение либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг (1 605 случаев), нарушение правил о сделках с драгоценными металлами и камнями (315 случаев), незаконную предпринимательскую деятельность (331 случай), уклонение от уплаты сумм налогов, сборов (321 случай). Однако есть и составы преступлений, которые вообще не применяются в уголовно-правоприменительной практике или же применяются крайне редко. В этой связи проиллюстрируем на конкретных примерах реальное состояние обоснованности существования главы 25 УК и входящих в нее составов преступлений.

Основная часть. Начнем анализ некоторых уголовно-правовых норм «экономической» направленности с состава *контрабанды* (ст. 228 УК). По своей антисоциальной сущности контрабанда – экономическое преступление, совершаемое в обширной сфере внешнеэкономической деятельности государства, юридических и физических лиц. Криминальная сущность контрабанды проявляется в том, что она является необходимым слагаемым, одним из основных элементов такого крупномасштабного и широко разветвленного явления, как «теневая экономика» [9, с. 7]. Социальные последствия контрабанды лежат в плоскости различных групп общественных отношений и выявляют широкий спектр ее социально-опасных проявлений, что определяет и характеризует специфические черты повышенной общественной опасности данного преступления.

Как известно, большинство криминалистов рассматривают объект контрабанды как установленный порядок перемещения товаров и иных предметов (ценностей) через таможенную границу. Вместе с тем дополнительным объектом контрабанды, в зависимости от вида незаконно перемещаемого товара, могут стать здоровье населения, общественная безопасность, интересы государства и т.д. Об этом можно говорить, обратившись к части 2 статьи 228 УК, в которой установлена ответственность за «перемещение через таможенную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, радиоактивных или взрывчатых веществ, вооружения, взрывных устройств, огнестрельного оружия, его составных частей или компонентов, боеприпасов, ядерного, химического, биологического или других видов оружия массового поражения или его основных частей,

материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманным использованием документов или средств идентификации, либо сопряженное с недекларированием или заведомо недостоверным декларированием».

Как видно, предмет контрабанды – конститутивный признак состава преступления, и именно по предмету различаются части 1 и 2 статьи 228 УК. Иначе говоря, если в части 1 статьи 228 УК идет речь о товарах и иных ценностях, запрещенных или ограниченных к такому перемещению, то в части 2 статьи 228 УК указанные предметы ограничены в гражданском обороте, что заставляет вести речь о совершенно другом объекте преступного посягательства, отличающемся от содержащегося в части 1 статьи 228 УК. Само по себе это обстоятельство делает контрабанду юридически неоднородной.

Социальная характеристика предметов, перечисленных в части 2 статьи 228 УК, обусловлена тем, что в силу своих свойств все они – источники повышенной опасности. Оборот этой группы предметов необходимо поставить под жесткий контроль со стороны государства для обеспечения общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения [10, с. 12; 11, с. 15 – 16]. Поэтому при несоблюдении правил провоза через таможенную границу указанных в части 2 статьи 228 УК предметов нарушаются не экономические отношения, а иные: отношения в области общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и т.д.

Очевидно, что в такой ситуации оборот предметов, представляющих в связи со своими качественными характеристиками повышенную опасность для общества и являющихся предметом контрабанды, должен получить специальную регламентацию в уголовном законе. Это объясняется тем, что сделки с предметами, ограниченными в гражданском обороте, полностью или частично запрещены законодательством в целях обеспечения обороноспособности государства, общественной безопасности, здоровья населения и т.д.

Сказанное позволяет утверждать, что в частях 1 и 2 статьи 228 УК под уголовно-правовую охрану поставлены различные объекты, которые не могут быть соединены в одной главе уголовного закона. Лишь контрабанда предметов, указанных в части 1 статьи 228 УК, может быть отнесена к группе преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Специфика же предметов контрабанды, указанных в части 2 статьи 228 УК (предметы, ограниченные или изъятые из гражданского оборота), такова, что едва ли можно говорить о том, что их незаконное перемещение через таможенную границу нарушает экономические интересы государства [7, с. 22] и установленный порядок осуществления экономической деятельности. Вследствие этого необходимо исключить часть 2 статьи 228 УК из общего состава контрабанды. Предмет контрабанды, указанный сегодня в части 2 статьи 228 УК, должен содержаться в специальной самостоятельной норме, например, в главе 32 УК «Преступления против государства» или иной другой главе УК.

Следует сказать, что по такому пути уже следует ряд государств. Например, законодатели Украины и Казахстана выделили в самостоятельный состав преступления контрабанду предметов, ограниченных в обороте, т.е. наркотических средств и психотропных веществ, помещая соответствующие статьи в разделах, объединяющих преступления против здоровья населения и общественной безопасности, подчеркивая, таким образом, опасность данного деяния и его значимость для государства. Такой же принцип заложен в Модельном Уголовном кодексе для государств-членов СНГ.

Установление уголовной ответственности за *невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей* (ст. 230 УК) главным образом имело и имеет своей целью сохранение культурного достояния нашего государства. Это и вполне понятно, ибо преступные посягательства на историко-культурные ценности характеризуются повышенной общественной опасностью. Потенциальная возможность утраты уникальных произведений искусства, и как следствие, причиненный ущерб от этого имеет невосполнимый характер, влечет угрозу потери соответствующих ценностей как для общества, так и для государства.

Однако вряд ли можно данное преступление отнести к разряду «экономических», т.е. посягающих в действующей терминологии уголовного закона на порядок осуществления экономической деятельности. Как раз таки общественная опасность невозвращения на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей связана не с нарушением порядка осуществления экономической деятельности (об отнесении данного преступления к экономическим может свидетельствовать лишь только один формально-юридический признак – перемещение историко-культурных ценностей через таможенную границу, который никак не является предопределяющим), а с невозможностью дальнейшего использования историко-культурных ценностей, разрывом исторической преемственности в формировании культуры, мировоззрения, нравственности.

Не следует забывать, что историко-культурные ценности изначально имеют принципиально иную социальную и правовую характеристику по сравнению с обычными материальными ценностями [7, с. 29], и здесь налицо сходство данного преступления (ст. 230 УК) с уголовно-правовым запретом, связанным с

уничтожением либо повреждением историко-культурных ценностей (ст. 344, 345, 346 УК). Поэтому невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей имеет большую социально-правовую обусловленность с преступлениями против общественного порядка и общественной нравственности, чем с преступлениями против порядка осуществления экономической деятельности, тем более что неясен сам критерий, на основании которого законодатель отнес данное противоправное деяние к главе 25 УК. Нельзя любой оборот имущества, совершаемый в нарушение установленных правил, автоматически приравнивать к блоку преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, так как еще необходимо уяснить содержание иных критериев, на основании которых произошла криминализация общественно опасного деяния и признаков его детерминирующих. В данном же случае, совершая такое преступление, как невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей, лицо не преследует напрямую получение имущественной выгоды, непосредственно об этом диспозиция статьи 230 УК не говорит, поэтому в такой ситуации имущественная выгода может быть извлечена косвенным путем.

Скорее, в данной ситуации объектом невозвращения на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей является государственный и общественный интерес, заключающийся в состоянии защищенности историко-культурных ценностей, временно вывезенных за пределы территории страны, установленный порядок возвращения историко-культурных ценностей, нежели нарушение принципов экономической деятельности.

Норма о *воспрепятствовании законной предпринимательской деятельности* (ст. 232 УК) по замыслу законодателя призвана была охранять конституционное право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для занятия предпринимательской деятельности. Эта статья уголовного закона должна была в какой-то степени стать гарантией от произвола чиновников, которые по различным причинам могли препятствовать в реализации вышеупомянутого права.

Согласно статье 232 УК ответственность устанавливается для должностного лица, которое с использованием своих полномочий: а) неправомерно отказывает в регистрации или уклонении от регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица; б) неправомерно отказывает в выдаче или уклоняется от выдачи индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу специального разрешения или лицензии на осуществление определенной деятельности; в) противозаконно ограничивает права или интересы индивидуального предпринимателя либо должностного лица; г) противозаконно вмешивается в предпринимательскую деятельность. Причем для наличия статьи 232 УК необходимо, чтобы такого рода неправомерные действия должностного лица повлекли причинение ущерба в крупном размере.

Однако теоретико-правовой анализ практики правоприменения данной нормы (а вернее, отсутствие такой практики) заставляет прийти к выводу о том, что рассматриваемая норма вряд ли нужна как элемент уголовно-правового регулирования отношений в сфере предпринимательства. По сути своей воспрепятствование законной предпринимательской деятельности должностным лицом является частным случаем злоупотребления властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК). По крайней мере, об этом явно свидетельствует используемая законодателем в статье 232 УК формулировка: «при отсутствии признаков более тяжкого должностного преступления». Получается, что если, например, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности совершено из корыстной или иной личной заинтересованности либо повлекло тяжкие последствия, или совершено должностным лицом, занимающим ответственное положение и т.д., ответственность должна наступать по части 2 или части 3 статьи 424 УК. Однако на каком же основании деяние, являющееся объектом преступлений против порядка осуществления экономической деятельности, меняет свой объект и становится преступлением против интересов службы. Только лишь на том, что оно совершено из корыстной или иной личной заинтересованности либо причинило тяжкие последствия? Вряд ли.

Создается впечатление, что степень общественной опасности содеянного зависит не от важности содеянного или охраняемого объекта, а от того, какой нормативный правовой акт нарушило должностное лицо, от мотива совершенного преступления, причиненного ущерба, ранга должностного лица и т.п. Оказывается, что законодатель выделил из общего привилегированный состав должностного преступления, что вряд ли имеет какое-либо обоснование. Конечно, можно было бы видеть социально позитивный смысл выделения специального состава воспрепятствования законной предпринимательской деятельности в стремлении законодателя подчеркнуть особую важность такого правоохраняемого объекта, как свобода и конституционные гарантии предпринимательской деятельности [1, с. 156], однако считаем, что место такой статьи должно быть в главе о преступлениях против интересов службы (гл. 35 УК), а не против порядка осуществления экономической деятельности (гл. 25 УК), ибо основной критерий здесь не сфера экономики, а порядок осуществления экономической деятельности хозяйствующим субъектом.

Определенного рода вопросы возникают и относительно причинения ущерба в крупном размере, потому как должен быть подсчитан размер ущерба (в виде реального ущерба и упущенной выгоды) и доказана причинная связь между незаконной деятельностью должностного лица и причиненным ущер-

бом. Каков в данном случае критерий подсчета упущенной выгоды, и как, например, его определить в случае неправомерного отказа в регистрации или уклонения от регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица (тем более что по своему содержанию понятие «крупный ущерб» может полностью или частично входить в понятие тяжких последствий, предусмотренных в части 3 статьи 424 УК)? В юридической литературе также отмечается, что если в результате воспрепятствования предпринимательской деятельности причинен ущерб не в крупном размере, то должностное лицо будет нести дисциплинарную, административную или уголовную ответственность (за преступления против интересов службы) [2, с. 84]. Однако получается весьма интересная ситуация: при отсутствии признаков статьи 232 УК ответственность может наступить по статье 424 УК, причем наказание по части 1 статьи 424 УК лицо может понести адекватное тому, если бы в его действиях присутствовали все признаки статьи 232 УК. Выходит, что какое бы противоправное деяние в данной области лицо не совершило, ответственность оно все равно будет нести одинаковую.

Наряду с этим законодатель неоправданно раздробил воспрепятствование законной предпринимательской деятельности на отдельные, взаимопоглощающие деяния. Так, используемая формулировка «противозаконное ограничение прав и интересов» вполне включает в себя перечень иных деяний, содержащихся в диспозиции статьи 232 УК.

Таким образом, существует ли сегодня настоятельная необходимость устанавливать уголовную ответственность в самостоятельной норме за безмотивные действия должностных лиц, посягающих на законные права и интересы индивидуальных предпринимателей или юридических лиц? Охрана одного и того же объекта посягательства – права на свободную предпринимательскую деятельность – разными статьями УК вряд ли может быть каким-то образом оправдана [3, с. 77 – 78]. Представляется не совсем оправданным криминализировать действия, перечисленные в статье 232 УК, не связанные с целью извлечения имущественной или иной личной выгоды.

Нельзя не согласиться с тем, что в данном случае законодатель попросту пренебрег системным принципом построения уголовного закона в угоду казуистическому изложению уголовно-правовых запретов. «Перенасыщение» закона специальными нормами и приводит к тому, что эти нормы игнорируются правоприменителем [4, с. 71]. И если уж до конца быть последовательным, то более эффективным было бы не уголовно-правовыми средствами регулировать отношения в сфере экономической деятельности, а ликвидировать в самой экономике те полномочия чиновников, которые и позволяют препятствовать осуществлению законной предпринимательской деятельности. В этом отношении разрешение данной проблемы может быть достигнуто путем исключения статьи 232 из УК либо переноса ее (предварительно видоизменив) в главу о преступлениях против интересов службы.

Также обратим внимание, что субъекты хозяйствования способны выступать в качестве потерпевших в случае посягательства на их деловую репутацию. В настоящее время преступным и наказуемым в уголовно-правовом порядке признается *«распространение индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица в рекламе, средствах массовой информации и иным способом заведомо ложных сведений, наносящих вред деловой репутации конкурента»* (ст. 249 УК). Как видно, данная норма размещена в главе 25 УК, и тем самым констатируется, что уголовный закон сориентирован на привлечение к ответственности за распространение заведомо ложных сведений, порочащих деловую репутацию конкурента (субъекта хозяйствования) только в экономической сфере.

Между тем в настоящее время и юридическая теория, и судебная практика допускают существование репутации не только в экономической, но и в других сферах общественной жизни [8, с. 58 – 61] (например, в политической, спортивной, здравоохранении, шоу-бизнесе и т.д., где можно говорить о деловой репутации политических партий, общественных объединений, профессиональных спортивных клубов, медицинских клиник). Поэтому можно было бы говорить о перенесении статьи 249 УК в главу 22 или главу 23 УК. В этой связи следует отметить, что раздел VII УК уже давно содержит такие составы преступлений, в качестве потерпевших от которых прямо указаны всевозможные организации: избирательные комиссии (ст. 191 УК), общественные объединения (ст. 194 УК), религиозные организации (ст. 195 УК), правообладатели (ст. 201 УК).

Отсутствие правоприменительной практики по данной статье объясняется тем, что на законодательном уровне не предложен критерий ограничения в данном случае преступления от правонарушения, вследствие чего субъекты хозяйствования чаще прибегают к гражданско-правовому способу защиты своих прав и интересов, нежели в частном порядке обращаются с заявлением о возбуждении уголовного дела. Это объясняется тем, что, в отличие от исков о защите деловой репутации в гражданском (хозяйственном) процессе, распространитель сведений в уголовном процессе не обязан доказывать соответствие их действительности. Обязанность доказывания, что распространенные сведения не соответствуют действительности, возлагается на органы, осуществляющие уголовное преследование. Поэтому альтернативной мерой может являться перевод статьи 249 УК в состав административных правонарушений либо вообще исключение из числа публичной ответственности.

Сказанное вполне можно отнести и к составам преступлений, предусмотренных статьей 252 УК (*коммерческий подкуп*) и статьей 253 УК (*подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов*). Что же должны охранять данные нормы: общественные отношения, обеспечивающие порядок экономической деятельности, или интересы службы в коммерческих и иных организациях?

Примечательно, что комментаторы уголовного закона объектом данных преступлений признают: а) порядок осуществления функций лицами, не являющимися должностными, работниками индивидуальных предпринимателей (ст. 252 УК); б) порядок проведения профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 253 УК). То есть статьи, находящиеся в главе о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности, призваны защищать не экономическую деятельность как таковую, а иной порядок – осуществление различных функций лицами, не являющимися должностными.

Таким образом, когда мы говорим о коммерческом подкупе (ст. 252 УК) или подкупе участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных конкурсов, то вовсе не экономические отношения являются здесь ядром, не они подвержены посягательствам, а иные отношения – против интересов службы. Однако ответственность за совершение преступлений против интересов службы установлена в главе 35 УК. В этой части совсем непонятно, почему например, принятие работниками государственного органа либо иной государственной организации, не относящимися в соответствии с законодательством к должностным лицам и осуществляющими деятельность, связанную с непосредственным удовлетворением нужд, запросов и потребностей населения, имущества или другой выгоды имущественного характера помимо предусмотренной законодательством оплаты труда будет относиться к преступлениям против интересов службы (ст. 433 УК), а получение работником индивидуального предпринимателя или юридического лица, не являющимся должностным лицом, денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера за действие (бездействие) в интересах дающего, связанное с выполняемой этим лицом работой и заведомо способное причинить вред интересам собственника или его клиента – к преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности (ст. 252 УК).

Видеть разницу здесь лишь только в том, что определенное лицо работает в государственной организации или органе, – значит ставить знак неравенства между формами собственности (государственной и частной). По сути, такое положение вещей устанавливает неравные условия привлечения лиц, не являющихся должностными, к уголовной ответственности за одинаковые деяния против интересов службы в государственных и негосударственных организациях. Так, руководитель ОАО за противоправное получение денег, совершенное вопреки интересам службы, несет уголовную ответственность как за преступление против интересов службы (гл. 35 УК), а работник этого ОАО, не являющийся должностным лицом, за совершение аналогичного деяния будет отвечать как за экономическое преступление (гл. 25 УК). Между тем существенным признаком коммерческого подкупа является получение работником индивидуального предпринимателя или юридического лица вознаграждения за уже совершенное или планируемое не любое деяние, а за действие или бездействие, связанное с исполняемой им работой [5, с. 45].

Поэтому тот же коммерческий подкуп (ст. 252 УК) посягает не столько на отношения экономического характера, сколько на иные отношения, характеризующие интересы службы в коммерческих и иных организациях (у индивидуального предпринимателя), которые далеко не всегда имеют выраженный экономический характер. Интересы службы в данном случае заключаются в правильном и надлежащем исполнении лицами, не являющимися должностными, в соответствии с возлагаемыми на них задачами своих обязанностей на благо этих организаций (индивидуального предпринимателя), но не в ущерб законным интересам собственника или его клиента. Следовательно, опасность коммерческого подкупа состоит не в том, что кому-то причиняется вред, а в том, что лицо использует предоставленные ему возможности по службе для незаконного обогащения.

Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 253 УК) также не может быть отнесен к разряду деяний, посягающих против порядка осуществления экономической деятельности. Профессиональный спорт и шоу-бизнес можно в какой-то степени отнести к сфере экономики (сфера экономики и порядок осуществления экономической деятельности не равнозначные понятия), но в большей степени это противоправное деяние посягает на отношения, содержание которых составляет служба в организациях, устраивающих и проводящих профессиональные спортивные соревнования либо зрелищные коммерческие конкурсы.

Вред объекту причиняется не столько нарушением порядка проведения экономической деятельности, сколько фактом получения спортсменами, судьями и иными лицами незаконного вознаграждения. Само по себе спортивное состязание или коммерческий конкурс в отличие от хозяйственной конкуренции не имеют экономического характера. Деятельность участников этих состязаний и отношения, складывающиеся в связи с осуществлением такой деятельности, не являются отношениями экономическими (хозяйственными)[6, с. 538 – 539] и не посягают на порядок их проведения.

Вопрос об отнесении статьи 258 УК (*незаконное изготовление, использование либо сбыт государственных пробирных клейм*) к разряду «экономических» также остается дискуссионным. На сегодняшний день в юридической литературе нет однозначного мнения по поводу содержания объекта данного преступления. Дело в том, что нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм наносит вред не столько законным интересам участников экономического оборота изделий из драгоценных металлов, сколько установленному порядку государственного контроля за оборотом данных изделий.

Анализ объективной стороны и особенностей субъекта данного преступления дает основание полагать, что законодатель не вполне точно определил место статьи 258 УК в главе о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности. Поскольку в статье 258 УК речь идет о незаконном изготовлении, сбыте, использовании государственного пробирного клейма, то в первую очередь нарушаются отношения, обеспечивающие интересы государственного регулирования производства драгоценных металлов и изделий из них. Представляется, что в такой ситуации данная уголовно-правовая норма должна быть размещена в главе 33 УК.

Введение самостоятельной уголовной ответственности в качестве преступления против порядка осуществления экономической деятельности за *фальсификацию средств измерения* (ст. 259 УК) также не было до конца продуманным шагом в части помещения данного состава преступления в главе 25 УК. Дело в том, что объектом данного преступления является установленный порядок изготовления и использования средств измерений. Причем данные измерительные приборы и инструменты, которые подпадают под сферу действия государственного метрологического надзора, могут использоваться не только в экономической сфере, но и при заключении различного рода сделок в гражданском обороте лицами, которые не занимаются предпринимательской или иной экономической деятельностью.

На сегодняшний день для квалификации преступных действий по статье 259 УК не имеет значения то обстоятельство, в какой именно сфере человеческой деятельности планируется использовать фальшивые измерительные приборы и инструменты – в торговле, при предоставлении услуг, в медицинской деятельности, при осуществлении контроля за качеством и безопасностью продуктов питания, состоянием окружающей среды, безопасностью условий труда и т.д. Очевидно, что фальсификация средств измерений будет нарушать не порядок осуществления экономической деятельности, а общественные отношения в сфере обеспечения единства измерений, где первостепенное значение отведено защите от последствий недостоверных результатов измерений. Неправильные измерения могут иметь своим последствием принятие ошибочного технического, управленческого или другого решения, реализация которых будет создавать опасность для людей, окружающей среды (например, опасность неожиданного стихийного бедствия, катастрофы, аварии, радиоактивного заражения) или непосредственно наносить значительный материальный или иной вред. Таким образом, фальсификация средств измерения является преступлением против порядка управления, а не против порядка осуществления экономической деятельности, и данная уголовно-правовая норма должна быть размещена в главе 33 УК. Если подходить иначе, то равным образом можно было бы признать «экономическим» преступлением подделку, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков (ст. 380 УК) или выпуск либо реализацию недоброкачественной продукции (ст. 337 УК), однако здесь отсутствуют признаки, на основании которых такие деяния можно считать преступлениями, совершаемыми в экономической системе.

Заключение. Как видно, в настоящее время отсутствует законодательное определение понятия «экономическая деятельность», более того, нет ее общепризнанного определения и на доктринальном уровне. Трудности в определении экономических преступлений заключаются также и в том, что почти все эти преступления («экономические») причиняют вред отношениям собственности, а отсюда можно сделать вывод о практической невозможности четкого и однозначного разграничения преступлений против собственности и порядка осуществления экономической деятельности.

Если исходить из того, что в основе экономической деятельности лежит собственность, которая является базисом последующей экономической деятельности, то последняя (экономическая деятельность) является производной от своей основы. Фактически нормы о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности образовались в результате их вычленения из числа имущественных, поэтому в основе своей они имеют (или сохранили) имущественный характер. По существу любые имущественные отношения имеют свое, более или менее выраженное экономическое содержание, а в этой связи конечная цель преступлений против порядка осуществления экономической деятельности – переход права собственности на имущество.

Сегодня можно констатировать также и то, что произошел распад того «классического» состояния частной собственности, когда решение вопросов технико-производственного, экономического, управленческого характера совмещалось в деятельности конкретного лица (одного индивида), обладающего статусом собственника. Титул собственника в современной рыночной экономике оказался расщепленным. Когда реально собственностью владеют несколько лиц (например, акционерные общества и товарищества), статус собственника практически отдален от реального контроля над объектом собственности, появляются новые категории социальных групп (управляющие, менеджеры), процесс производства,

обмена, распределения и потребления материальных благ и услуг также видоизменяется. Можно сказать, что имущественные преступления трансформировались в экономические, но последние сегодня отнюдь не выделились в самостоятельную группу.

По нашему мнению, к числу наиболее значимых признаков преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, при всем их разнообразии, можно отнести следующие:

- преступления совершаются в гражданском (экономическом) обороте;
- преступления совершаются с целью получения экономической выгоды и наносят вред охраняемым отношениям (интересам);
- преступления носят умышленный и, как правило, корыстный характер.

Иначе говоря, можно сказать, что рассматриваемые общественные отношения в экономической системе только тогда становятся объектом преступления, когда их социальное ядро (интерес) обретает правовую оболочку. В существующем же уголовном законе разделение преступлений против собственности и преступлений против порядка осуществления экономической деятельности носит весьма условный и, скорее, искусственный характер. Интерес субъектов состоит не только в охране принадлежности материальных ценностей, но и в их надлежащем обороте.

Исходя из изложенного, можно выделить следующие значимые признаки, подлежащие оценке при возможной криминализации отношений в процессе осуществления экономической деятельности ее субъектами: а) экономическая деятельность носит имущественный характер и осуществляется в гражданском обороте; б) экономическая деятельность, осуществляемая ее субъектами, направлена на извлечение прибыли, т.е. получение имущественной выгоды; в) экономическая деятельность подлежит некоей оценке, выраженной в ее денежном (стоимостном) эквиваленте; г) экономическая деятельность по своей сути связана с оборотом имущественных ценностей. Эти признаки и следует учитывать при конструировании главы 25 УК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б.В. Волженкин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. – 765 с.
2. Лукашов, А.И. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации / А.И. Лукашов. – Минск: Тесей, 2002. – 256 с.
3. Устинова, Т.Д. Правовая оценка статьи 169 УК Рос. Федерации / Т.Д. Устинова // Законодательство. – 2004. – № 4. – С. 77 – 80.
4. Горелов, А.П. Почему не применяются нормы об ответственности за экономические преступления / А.П. Горелов // Законодательство. – 2003. – № 11. – С. 70 – 76.
5. Грунтов И. Коммерческий подкуп как преступление / И. Грунтов // Судовы веснік. – 1995. – С. 45 – 46.
6. Клепицкий, И.А. Система хозяйственных преступлений / И.А. Клепицкий. – М.: Статут, 2005. – 572 с.
7. Кочубей, М.А. Криминологическое и уголовно-правовое обеспечение экономической безопасности Российской Федерации в сфере таможенной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / М.А. Кочубей. – М., 2005. – 48 с.
8. Тарбагаев, А. Репутация юридического лица как объект преступного посягательства при клевете и оскорблении / А. Тарбагаев, А. Глисков // Уголовное право. – 2011. – С. 58 – 61.
9. Гиряев, Г.С. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия контрабанде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Г.С. Гиряев. – СПб., 2005. – 24 с.
10. Розумань, И.В. Уголовная ответственность за контрабанду (по материалам Сибирского федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.В. Розумань. – Омск, 2005. – 24 с.
11. Рогатых, Л.Ф. Квалификация контрабанды / Л.Ф. Рогатых. – СПб.: Ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 1999. – 84 с.

Поступила 08.04.2013

PROBLEMS OF LEGAL ESTIMATION OF CRIMINAL AND LEGAL RULES OF LAW, FIXED IN CHAPTER 25 OF THE CRIMINAL CODE

V. KHILJUTA

Various aspects of qualification and ordering of economic crimes are considered. The legal characteristic of placing of such structures of crimes as contraband, not returning to the territory of Belarus of historical and cultural values, hindrance of lawful enterprise activity, commercial payoff, discredit of business reputation of the competitor, etc is given. On the basis of methodologic knowledge of regularity of economic crimes features of "economic crimes" are proposed, which are subject to evaluation at criminalization of relationships in the process of projection of criminal and legal rules of law in the sphere of economic activity.